

ворить о доминировании определенных черт): в типах внутренней планировки жилищ, в наличии как перпендикулярной, так и параллельной постановки домов по отношению к улице, в бытовании одновременно двускатных и четырехскатных крыш, наличии в наружной и внутренней отделке обмазки и побелки стен: в одновременном бытовании хозяйственных построек северо- и южнорусского происхождения — амбара с защитными стенками, ледника, завозни и стайки, летней кухни.

Жилище амурского казачества строилось по простому плану — четырехстенки с сенями; локальной особенностью его было наличие «террасы», а в конструкции наличников отмечается высокая лобань.

Для нижнеамурского крестьянского комплекса характерна более развитая планировка жилища (пятистенок, связь, дом с прирубом), наличие построек, связанных с рыбными промыслами, — рыбников, ледников, бондарок, коптилен, рыбных складов, построек на заимках; появление в домовой пропиленной резьбе наряду с традиционными славянскими мотивами орнамента отдельных элементов декора дальневосточных пограничных территорий.

В заключение нужно подчеркнуть необходимость дальнейшего исследования жилых и хозяйственных построек Приамурья начала XX в. и материальной культуры русского населения этого региона. Это даст возможность точнее определить этническую и социально-экономическую характеристики русских переселенцев второй половины XIX — начала XX в. на дальневосточной земле, а также проследить их адаптацию к местным условиям.

К. К. Логинов

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ «ЗАОНЕЖАНЕ» ЛОКАЛЬНОЙ ГРУППОЙ РУССКИХ!

Изучение традиционно-бытовой культуры на уровне этнических, этнографических и локальных групп этносов — одна из актуальных проблем советской этнографии и рассматривается ею как самостоятельная задача¹. Перспективным регионом для работы по данной тематике является Русский Север, в частности потому, что основное традиционное подразделение его населения по административно-географическому признаку на каргополов, пудожан, повенчан, петрозаводчан и т. д. уже не соответствует уровню современной науки. Данная статья посвящена одной из групп северно-русского населения, обитавшей частично в Петрозаводском, частично в Повенецком уездах бывшей Олонецкой губернии.

Под Заонежьем в этнографической литературе понимается небольшой район, расположенный в центральной части современной Карелии. Это собственно Заонежский полуостров, глубоко вдающийся с севера в Онежское озеро, с прилегающими островами. На данной территории проживают две группы русских, которые выделяются местным населением, — заонежане и унчане (с. Уница). Численность заонежан в начале XX в. не превышала 30 тыс. человек².

Заонежье с трех сторон окружено водой, а на севере его отделяет от материка неширокая, но в прошлом труднопроходимая в летний период полоса болот. Соседями заонежан истари являются с севера и запада карелы, с востока и северо-запада русские.

¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 48, 49.

² Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. — В кн.: Крестьянское искусство СССР. Т. 1. Л.: Академия, 1927, с. 12.

Первые этнографические сведения о заонежанах были собраны П. Н. Рыбниковым во время его пребывания в Олонецкой губернии и опубликованы им в 1864 г.³ С тех пор накопился значительный материал, рассеянный в различных специальных публикациях⁴ и местной периодической печати; были также собраны богатые коллекции предметов быта заонежан, хранящиеся в музеях Ленинграда⁵ и Карелии⁶. Отдельные пробелы в изучении традиционной культуры заонежан в известной мере заполняют полевые этнографические сборы автора 1980 и 1982—1984 гг.⁷, во время которых были обследованы все крупные и большинство мелких поселений Заонежского полуострова. В настоящее время можно не только обобщить имеющиеся материалы, но и выделить специфические черты культуры Заонежья, а кроме того, поставить вопрос: следует ли выделять «заонежан» как локальную группу русских? Является ли группа заонежан субэтносом русского этноса?

Вопрос этот не столь прост, так как традиционная культура населения Заонежья представляет собой сложную систему напластований, сложившихся исторически в процессе формирования современного населения, кроме того, мы видим в ней не менее сложное сочетание общего и особенного — общего для всего северно-русского населения, для большинства русских групп, живших длительное время в контакте с финно-угорским населением, и особенного, присущего русским группам Прионежья, или собственно заонежских особенностей.

Основу хозяйства населения изучаемого района в конце XIX — начале XX в. составляли земледелие, рыболовство, скотоводство, различные промыслы и ремесла и в незначительной степени охота. Материальной культуре Заонежья помимо традиций, характерных для всего Русского Севера, были присущи и явления регионального порядка, локализовавшиеся в пределах территории современной Карелии. К последним можно отнести онежские лодки (*сойму* и *кижанку*); *волоку* — волокушу, приспособленную для перевозки одного пассажира по бездорожью; *олонецкую люльку* — конские носилки того же назначения; местный тип русской печи (распространенный только по побережью Онежского озера); *блинный столик* — подставку-скамеечку для блинной доски; *зипун* глухого покроя; *неводы* — *онежский* и *чап*; *олонецкую пасть* — ловушку на боровую дичь и др. Все эти элементы отмечались как у русских, так и у карел.

В материальной культуре заонежан можно вместе с тем выделить целую группу элементов, связанных с культурными традициями, «перенесенными» в Заонежье в период его колонизации славянами из Псковско-Новгородских земель и Южного Приладожья⁸. К ним следует, по-видимому, отнести особый тип двузубой сохи и серпа, *сани-пошевни*, *сани-кресла*, емкости для зерна — *маленку* и *лубянку*, бесполоиковый (новгородский) покррой женских рубах, традицию ношения в быту исключительно кожаной обуви; большой ассортимент выпечных изделий (четыре разновидности ржаного хлеба, тринадцать разновидностей пирогов с начинкой, одиннадцать разновидностей блинов); традицию делать сруб избы квадратным со строго выдержанными размерами (6,39×6,39 м), что

³ Рыбников П. Н. Этнографические заметки о заонежанах.— Памятная книга Олонецкой губернии на 1864 г. Ч. II. Петрозаводск, 1864, с. 3—39.

⁴ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М.: Наука, 1962. См. также: Майнов В. В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877, с. 120—142; Романов К. К. Жилой дом в Заонежье.— В кн.: Крестьянское искусство СССР, с. 21—40 и др.

⁵ Государственный музей этнографии народов СССР, колл. 386, 585, 604, 737, 10 405 и др.; Музей антропологии и этнографии, колл. 504, 6847 и др.

⁶ Карельский государственный краеведческий музей, колл. 359, 435, 3142, 4277 и др.; государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский», колл. 1—22 и др.; Музей изобразительных искусств Карельской АССР, колл. 1404—1406 и др.; Медвежьегорский районный музей, колл. 504, 539, 791, 959 и др.

⁷ Архив Института этнографии АН СССР (Ленинградская часть), ф. К1, оп. 2, д. 1232, 1270; Архив Карельского филиала АН СССР, ф. 1, оп. 50, д. 669.

⁸ Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья.— В кн.: Северно-русские говоры. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 206—213; *его же*. Русские говоры в бассейне реки Оять.— В кн.: Очерки по лексике северно-русских говоров. Вологда, 1975, с. 188—191.

было характерно для жилых построек древнего Новгорода⁹, а также пережиточно сохранившийся способ подсчета зерна при засеивании поля — в *копейках*¹⁰. Реминисценцией, возможно, более древних традиций была *одеяльница* — несшитая поясная одежда, одеваемая заонежанками дома во время сильных холодов. Подобный тип одежды, предшествующий сарафану, в северно- и среднерусских областях практически исчез, и о его бытовании в прошлом, по мнению Б. А. Куфтина¹¹, свидетельствовал только термин *понева* или *понева*¹². В Заонежье же эта одежда сохранилась, правда в качестве домашней, редко употребляемой.

Особый круг явлений материальной культуры заонежан конца XIX — начала XX в. составляли элементы, заимствованные из города. К ним можно отнести широко бытовавшие фаянсовую посуду, кофемолки, кофейники, мебель городского образца (для обстановки горниц и светелок), в домах зажиточных крестьян — выделение специальной комнаты исключительно для приема гостей, широкое использование городских мотивов при украшении наличников домов, бытование в деревне кабриолетов, тарантасов (и даже велосипедов у детей местных купцов); замену традиционной широкой верхней одежды, еще слабо дифференцированной на мужскую и женскую, облегающей. Причина столь сильного городского влияния на традиционную культуру заонежан — ориентация подавляющего числа отходников на работу в столице при сохранении неразрывных связей с родным домом. Не только ремесленники, но и купцы из заонежан, владевшие собственностью в Петербурге, имели на родине семью (жену, детей и других родственников, ведущих хозяйство) и непременно, хотя бы под старость, возвращались домой¹³.

Ряд элементов материальной культуры заонежан восходит к культуре дославянского населения Заонежского полуострова. До прихода славян этот район был населен группами финно-угров, говорившими на прибалтийско-финских языках. Среди них были древние вепсы (значительное количество местных дославянских топонимов произошло от вепских наименований¹⁴) и лопари (саамы). О пребывании последних в Заонежье напоминает ряд гидронимов в районе с. Шуньга¹⁵, а также названия деревень Лопская и Лопская Матка на территории Толвуйского сельсовета и само древнее его наименование — погост Лопский — Георгиевский¹⁶. Возможно, на полуостров еще до прихода восточных славян проникли и потомки древней корелы, первая волна колонизации которой достигла этого района в XIII в.¹⁷ Поселения со смешанным славяно-финноязычным населением зафиксированы здесь письменными источниками еще в XV в.¹⁸ Однако в результате контактов дославянское население было ассимилировано и вошло в состав заонежан. Прибалтийско-финский же субстрат до настоящего времени сказывается помимо топонимики в особенностях местного диалекта¹⁹, а также в антропологическом типе заонежан²⁰.

⁹ Ганцкая О. А. Строительная техника русских крестьян. — В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967, с. 168.

¹⁰ Одна *копейка* равнялась двум *маленкам*, или 9 пудам ржи.

¹¹ Куфтин Б. А. Материальная культура Мещеры. М., 1926, с. 79, 80.

¹² В Заонежье *понева* называлась длинная не по росту одежда.

¹³ Романов К. К. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении, с. 20—21.

¹⁴ Мамонтова Н. Н. О вепском субстрате в топонимике Заонежья. — В кн.: Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1974, с. 37—38.

¹⁵ Лескинен В. О некоторых саамских гидронимах Карелии. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 4. Л.: Наука, 1967, с. 64.

¹⁶ Толвуйский приход Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии. — Олонецкие губернские ведомости, 1891, № 79.

¹⁷ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, с. 39.

¹⁸ Витов М. В. Указ. раб., с. 69, 168—169.

¹⁹ Например, в перетягивании ударения на первый слог слова по финно-угорскому типу. См. Мещерский Н. А. К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР. — Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Т. XIII. Петрозаводск, 1962, с. 112—130.

²⁰ Витов М. В. Антропологические данные как источник по колонизации Русского Севера. — История СССР, 1953, № 6, с. 95, карты 3, 4.

К древним прибалтийско-финским заимствованиям элементов материальной культуры Заонежья (помимо общераспространенных на Севере, таких, как *пистега* — манок на рябчика, *нодьа* — охотничий костер, *верховой лавас* — помост для охоты на медведя) можно отнести устройство в русской печи над загнетком приспособления в виде крюка для подвески котла; лопатку с крестообразной прорезью для доставания рыбы из котла или чугуна; формы заонежского топора и древних прялок-копанок (аналогичных карельским); рукавицы для зимней тяги невода, при вязке которых в шерстяную нить добавлялся конский волос; мужские промысловые носки *без пятки*, т. е. в форме конуса; полихромные (с введением желтых, синих и зеленых нитей) вышивки по бокам шейного выреза и на оплечьях старинных женских рубаш. Полихромные вышивки в первой половине XIX в. отмечались у карел²¹ и вепсов²².

Заимствование того или иного предмета материальной культуры часто сопровождалось и заимствованием его названия. Например, в области рыболовства: *гарва*, *гарба*, *калега*, *кердяга* — типы сетей, *керегод* — невод, *масельга* — перемет, *курта* — ловушка из сети, устанавливавшаяся в «закол»; в области охоты: *шога* — шалаш для охоты на глухарей с чучелами, *киндюга* — охотничья дубина; в области земледелия: *кубач* — омет, *тукач* — связка соломы, *няртега* — мера емкости зерна, *няртяйи* и *нярты* — приспособления для сушки снопов, *веранда* — сучки, сложенные в кучу на пожоге; в пище: *мугач* — тушенные в горшке мальки-сеголетки, *кокач* — пирог с горохом, *кабуша* — род сырника и др.

Заимствованиями от соседей-карел были, по-видимому, единично встречающиеся в Заонежье, но широко распространенные у карел такие элементы материальной культуры, как трапециевидная форма потолка в курных избах, прялка «сегозерского» типа, традиция варить (а не жарить) в растопленном масле пироги (по окончании жатвы или для встречи зятя).

Отдельные элементы материальной культуры заонежан и производственные термины не имели всеобщего распространения в Заонежье, а локализовались внутри трех зон, территориально совпадающих с административными границами волостей (существовавших до 1890 г.), а также с границами распространения местных говоров. Так, в северной зоне бытовали такие способы сушки хлеба, как *груды* и *няртяйи*, в восточной — *няры* (сооружения из поставленных по кругу жердей), в южной — *бараны* и *кучки*; на севере полуострова медвежьих ловушки — *шемицы*, в восточной и южной частях — оригинальные их разновидности — медвежьих кряжи. В северной зоне лодка-долбленка называлась *челн*, в восточной — *ругача*, в южной — *ушкойка*; подстилка на сани (препятствовавшая проседанию сена) в северной и южной частях полуострова — *постельник*, в восточной — *сарга*. Кроме того, многие типы охотничьих ловушек, например западня — *запрудня*, медвежий *ямный лавас*, волчий *садок*, *заонежская пасть*, бытовали на территории отдельных приходов, хотя никаких особых препятствий для заимствования их соседями не было. Возможно, существование выделенных нами зон и отдельных районов бытования того или иного элемента связано с историей формирования местного населения и его культуры.

В материальной культуре заонежан в конце XIX — начале XX в. имелся ряд элементов, за пределами Заонежья не отмечавшихся. К ним можно отнести особенности устройства жилища: кошело на фронтонах домов под более длинным свесом крыши; фальшивый свес, симметричный короткому; традицию прорубать в каждой стене жилого помещения (кроме стен, выходящих на север) обязательно три окна; тип наличника и прялки, называемый «заонежским»; форму воротников женской плечевой одежды — *сак* (раскроенных по диагональной, а не по продольной

²¹ См.: *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1951, т. XI, с. 20, рис. 1; *Косменко А. П.* Карельское народное искусство. Петрозаводск, 1977, рис. 43.

²² *Косменко А. П.* Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984, с. 53.

нити, как у соседнего русского населения); эллипсоидную форму верхней части женских повойников (отличную от лавролистной, бытовавшей у поморов, или овоидной, бытовавшей у пудожан); вышивание подолов женских рубах узкой полосой по нижнему краю (а не по всему их полю); полное отсутствие вышивок на плечьях (новомодных для начала XX в. рубах); а также сани-лабои, упомянутые выше одеяльница и охотничьи ловушки — заонежская пасть, медвежий ямный лавас, медвежьи кражи. Выделенный же в свое время Н. П. Гринковой «заонежский» тип кокошника²³ должен быть признан каргопольским, так как отличается от него только шириной вышивки в налобной части и конфигурацией наушников. Кроме того, не могут считаться чисто «заонежскими» полихромные вышивки на старинных женских рубахах, так как аналогичная расцветка вышивок отмечалась и за пределами Заонежья, например в Пудожском уезде²⁴.

Происхождение элементов последней группы можно связывать, по-видимому: а) с консервацией некоторых древних славянских традиций в условиях относительной изолированности Заонежья и периферийности района обитания заонежан; б) с консервацией отдельных древних прибалтийско-финских традиций; в) с локальным варьированием культуры и возникновением местных школ в приемах домостроительства, вышивки, раскроя тканей и т. п.

Группа заонежан среди населения Карелии выделялась и определенным этническим своеобразием. Об этом в какой-то степени говорит уже сам экзоэтноним «заонежане», поскольку применялся он не ко всему населению Заонежья. Так, не считали себя заонежанами и не считались таковыми у окрестного (как русского, так и карельского) населения жители деревень вокруг сел. Уница, расположенного в северо-западной части Заонежского полуострова. Свое отличие от соседей признавали также и сами представители группы заонежан. Информаторы пожилого возраста в качестве этнодифференцирующих признаков называли особенности местного диалекта и традиционной культуры, в частности материальной (например, обязательные три окна в жилых помещениях, заонежский тип наличника, ношение в быту исключительно кожаной обуви, заонежский тип прялки и др.). В качестве этноконсолидирующих признаков, сплавляющих заонежан в единую группу, назывались общность диалекта, единое самоназвание (совпадающее с экзоэтнонимом), компактность проживания. В XIX в. (а вероятно, и в начале XX в.) существовало представление об общности их происхождения от древних новгородцев²⁵. Самосознание заонежан как групповое и этническое, а не только географическое поддерживалось также и тем, что проживали они в маргинальной зоне, по соседству с карелами. И все же выделение данной группы в качестве субэтноса представляется нам проблематичным. Скорее всего заонежане подобно поморам представляли лишь локальную группу северных русских.

²³ Гринкова Н. П. К изучению олонецких диалектов.— Труды Комис. по изучению истории Академии наук СССР. Т. IV. М.—Л., 1947, с. 292.

²⁴ Пудожский районный музей, колл. 190—1, 460—1.

²⁵ Чистов К. В. Народная поэссса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, с. 207.

А. С. Соколов

РОССИЙСКАЯ ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В АМЕРИКУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

История Соединенных Штатов и, в частности, быстрые темпы их экономического развития в последней трети XIX в. неразрывно связаны с процессом интенсивной многонациональной иммиграции, сыгравшей также значительную роль в формировании этнического состава страны и становлении американской нации.